

подготовки бывшего преступника к получению свободы лишь в том случае, когда он действительно принял нормы безопасного для окружающих людей поведения. В ином случае его пребывание в местах заключения должно продолжиться. Исходя из такого подхода к наказаниям, исчезает необходимость определения в суде срока ограничения свободы. Судья только определяет саму необходимость разного ограничения свободы. Период пребывания в заключении зависит от самого преступника. Чем активнее он занимается преобразованием своих потребностей, целей, ценностных ориентаций и установок в соответствии с требованиями норм права и морали, тем быстрее получает свободу уже подлинно человеческой, а не дикой, животной в значительной мере жизнедеятельности. Осуществляется переход от традиционного наказания, осуществляемого на основе мести со стороны социума, к такому, когда сама личность определяет возможность быть принятым обществом как равноправного его члена.

Русакова О.Ф.

г. Екатеринбург

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Политика памяти, если говорить кратко, представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Понятие «политика памяти» впервые было введено в оборот во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор многотомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984-1992).

В 1990-е гг. во Франции получили также широкое распространение понятия «управление прошлым» и «долг памяти», которые сначала использовались применительно к депортации и геноциду евреев из Франции и других стран Европы во время нацистской оккупации, а затем – по отношению к войне Франции в Алжире в 1954-1962 гг.

В каждой стране существует собственная проблематика политики памяти и своя история сопротивления по отношению к данной политике. Так в той же Франции миф о Сопротивлении постоянно претерпевает историческую деконструкцию. Кроме того, во Франции в последние годы была распространена практика правового оформления политики памяти посредством так называемых «законов памяти». Так 13 июля 1990 г. был принят «закон Гайса» (по имени депутата-коммуниста) против расизма, антисемитизма и ксенофобии, предусматривающий наказание за отрицание преступлений против человечества, в частности, речь шла о геноциде в отношении евреев в годы Второй мировой войны. В мае 2001 г. издан «закон Тобира» (по имени депутата от социалистов), введший наказание за преступления против человечества, связанные с рабством и работорговлей. В октябре 2006 г. парламент Франции постановил, что отрицание геноцида евреев и армян в 1915 г. влечет юридическую ответственность. В 2011 году был принят соответствующий закон.

В настоящее время политика памяти продолжает проводиться президентом страны Н. Саркози, который вызвался восстановить заслуги Сопротивления. В мае 2007 г. он подписал декрет о том, чтобы ежегодно 22 октября во всех школах зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопротивления Ги Моке, расстрелянного немецкими солдатами в 1941 году. Данный факт следовало интерпретировать как пример мужества и самоотверженного патриотизма.

«Законы памяти» вызвали противодействие французской общественности, практика которых отмечалась как недостойная демократического государства. В 2008 г. общественное объединение «За

свободу истории» распространило документ под названием «Воззвание из Блуа», опубликованное Пьером Нора. В воззвании отмечалось: «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры... В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследования под угрозой наказания» [5].

В Польше и других странах Восточной Европы наряду с термином «политика памяти» утвердился термин «новая историческая политика», автором которого стал Роберт Траба [4]. По словам Траба, главный лозунг новой исторической политики - «патриотизм завтрашнего дня». Его суть – опора на ценности этнического патриотизма.

В новых государствах стран Балтии политика памяти выполняет функцию переосмысления советского прошлого с позиции ответственности СССР и России как его преемницы за преступления тоталитарного режима. Широкое распространение получает так называемая «оккупационная риторика» и выявление советских преступлений против человечества.

В Украине проблематика политики памяти, в особенности проблема Голодомора получила свою глубокую теоретическую проработку в работах Георгия Касьянова [1] и Андрея Портнова [2]. Г. Касьянов выделяет несколько «родовых признаков» официального дискурса о Голодоморе, получившего распространение при президенте В. Ющенко. К ним относятся: этническая эксклюзивность, конфронтационность, элементы ксенофобии, доминирование идеологических форм над научной аргументацией, акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации, сакрализация национальных страданий, возложение главной ответственности за причиненное зло на внешние факторы (московский коммунизм). При этом патриотизм трактуется как очищение от вины, представленной собственным этническим сообществом.

В современной России концепт «политика памяти» рассматривается целым рядом авторов, среди которых следует в первую очередь назвать

Алексея Миллера и Геннадия Бордюгова. Понятие «войны памяти» стало дополнением к уже известным понятиям «холодных» и информационных войн. Провокаторами «войн памяти» выступают длительные замалчивания трагических событий, сокрытия документов. Сегодня в странах СНГ и Балтии взрывную реакцию вызывает все, что связано с памятью о Великой отечественной войне. Яркие тому примеры – памятные истории с «Бронзовым солдатом» в Эстонии, со сносом монумента советским воинам в Ташкенте, уничтожение памятника «Мемориал Славы» в Кутаиси. Институциональными инструментами «войн памяти» выступают музеи и мемориалы: открытие музеев советской оккупации в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии. В качестве примера «симметричного ответа» можно назвать открытие Музея оккупации Крыма Украиной в Симферополе. Прозвучали также требования создать «музей фашистской оккупации».

Корни активизации политики памяти на постсоветском пространстве следует искать в кризисе идентичности, которых возник в результате распада СССР, а также в дефиците высоких нравственно-духовных ценностей, которые уступили приоритетное место ценностям потребительского общества.

В процессе изучения работ, посвященных политике памяти, мы сочли возможным выделить следующих базовых стратегий данной политики: легитимация политического режима посредством новых подходов к пониманию прошлого; переинтерпретация исторических событий и фактов в соответствии с установками официального политического курса; консолидация общества на основе символов исторического прошлого и конструирования новых символов, мифов и праздников в целях укрепления национальной идентичности и восстановления исторической справедливости; государственный контроль за системой исторического образования и патриотического воспитания; противодействие фальсификациям истории и выработка активной позиции в «войнах памяти».

В целом, политика памяти выступает составным компонентом современных практик soft power («мягкой силы») [3], которые формируют ценностную структуру национального самосознания.

Дискурс политики памяти в настоящее время в различных странах и сообществах представлен следующими основными моделями: 1) поляризованная инверсионная модель по бинарной схеме: «враг-друг», «оккупант-жертва»; 2) консенсусная модель (международное согласование версий исторических событий); 3) плюралистическая модель (уважительное отношение к альтернативным версиям); 4) «зеркальная» модель по схеме: «они о нас», «мы о них».

В современной Польше институциональным центром реализации политики памяти выступает Институт национальной памяти (ИНП), созданный в 1999 г. Первоначально за основу деятельности ИНП была взята плюралистическая модель дискурса, поскольку члены его коллегии назначались сеймом из числа кандидатов от разных парламентских фракций. Однако позднее под влиянием братьев Качиньских в практике ИНП стал преобладать поляризованный дискурс. Аналогичный Институт национальной памяти существует в Украине. Его сотрудники имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ).

В фокусе внимания политики памяти находятся вопросы укоренения в массовом сознании национально-государственных праздников. К примеру, в Германии несколько лет назад бурно обсуждались даты главного государственного праздника. В итоге остановились на двух: 3 октября – дата объединения ГДР и ФРГ и 9 ноября – дата падения Берлинской стены. Приоритет был отдан 3 октября, поскольку данная дата несла в себе позитивный посыл: «немцы вновь стали единым народом». Другая дата не трактовалась столь однозначно, поскольку с нею были связаны негативные моменты в истории Германии («хрустальная ночь» — еврейские погромы 1938 года, день провозглашения первой республики левыми партиями в годы революции 1918 года).

В России дата главного советского государственного праздника 7 ноября под влиянием постперестроечной политики памяти подверглась переинтерпретации, превратившись в празднование очередной годовщины московского парада 1941 года. В целях размывания исторической памяти о революционном содержании даты 7 ноября был учрежден новый праздник, близкий по хронологии - 4 ноября, который в народе не получил однозначной интерпретации.

Литература

1. Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. Том 13.. № 3-4 (46). С. 24-42.
2. Портнов А.В. Упражнение с историей по-украински /Андрей Портнов. – М.: ОГИ; Полит.ру; Мемориал, 2010.
3. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии //Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 10. Екатеринбург – 2010. С. 173-192.
4. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Том 13.. № 3-4 (46). С. 43-64.
5. Шеррер Ютта. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. Том 13. № 3-4 (46). С. 107.

Dr Greg Simons

UNDERSTANDING POLITICAL AND INTANGIBLE ELEMENTS IN MODERN WARS

Introduction

Organised warfare has been waged by man for many centuries, some certain factors/elements of this pursuit have remained actual in spite of the advancement